

НАТАЛИЯ ЛИРОН

Знакомое
лицо.
Невозможная
правда.

КРОВНЫЙ ОМУТ

Наталия Лирон
Кровный омут
Серия «Выжить любой ценой.
Психологический триллер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74336681
ISBN 978-5-04-251832-4

Аннотация

Роман на стыке семейной драмы и психологического детектива, где интрига держится не на погонях, а на правде, которую страшно произнести вслух.

Пять лет Софья провела в монастыре, пытаясь смириться с внезапной гибелью мужа и маленького сына. Но снаружи её прошлое не обрело покоя. Вынужденная покинуть стены обители, она сталкивается с шокирующей правдой, которая ставит под сомнение всё, во что она верила.

Погружаясь в паутину лжи, она понимает: трагедия, сломавшая её жизнь, не была случайностью, и настоящий кошмар только начинается.

Наталия Лирон создала обманчиво тихий роман, который медленно усыпляет бдительность. И когда меньше всего этого ждёшь, автор наносит оглушительный удар со спины. Свет гаснет, и ты остаёшься во тьме наедине с жестокой правдой.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Наталия Лирон

Кровный омут

Дизайн обложки Натальи Каштыкиной

© Лирон Н., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Так пускай наступает холодным рассветом На
нас новый день¹.*

¹ Песня «Круги на воде» группы «Слот» (здесь и далее примечания редактора).

Часть 1

Глава 1

Сейчас

«Господь милосердный...

Губы привычно шепчут молитву, а зубы непроизвольно стискиваются».

«Не молю прощения у тебя, Господи, для нее... Грех ее темный и тяжкий, пусть не будет даровано покаяние убогой ее душе».

Гроб опускается медленно, плавно... И я чувствую, как становится легче. Все легче, легче... Какая долгожданная смерть! Слава тебе, Господи!

Сердце ликует.

Пресвятая Дева Мария, Заступница, не пускай эту черную душу во врата небесные, потому что самое место ей в бездонном пылающем аду!

– Тьфу! – Я плюнула в могильную яму, к сильному удивлению гробовщиков. – Закапывайте.

На сердце было так легко, как не было уже давно.

«Благодарю тебя, милосердный Господи».

Я подняла глаза к небу – легкомысленные облака равнодушно плыли по тканой летней синеве. Какой же все-таки тяжелый месяц – июль.

Аминь!

Пять лет назад

Келья высвечивается бликами от тусклого ночника.

«Еще две минутки... Господи, еще две минутки...»

Ворочаюсь с боку на бок – холодно. А благочинная не велит брать больше одеял – дескать, приучай тело к строгости. Приучаю.

Заснуть все равно не получается. Мысль бежит, бежит дальше... Вспоминаются одеяло, пододеяльник, вспоминаются тумбочки и торшеры, которые мы выбирали с мужем в мебельном магазине в совсем другой жизни – такой далекой, будто и не моей вовсе.

Скоро зазвонят к полуночнице, но сна нет. Вьюсь ужом на твердом топчане. Как же быть? Как быть? Завтра же поговорю с матушкой. Она меня поймет. Она святая.

За окном лютует морозный январь, подметая пушистым хвостом поля, слизывая объедки с рождественских столов. Только-только ведь отгремел светлый праздник Рождества Христова... для крещенских морозов рановато, но они уж тут как тут.

Зажмуриваюсь, пытаюсь поймать ускользающий сон – вот холод отступает, тело, скрученное в узел, расслабляется, а зыбкое забытие сладкой истомой разливается внутри. Смешиваясь в кучу, проносятся калейдоскопом картинки – мы, еще маленькие, вырезаем снежинки к Новому году. Она толкает меня, хватая последний синий лист бумаги, на который нацелилась я. Откуда-то из кухни резко запахло подгоревшими блинами.

Она с листом в руках отворачивается от меня, быстро орудует ножницами.

– Дай! – кричу я. – Дай мне! Ты вон уже сколько сделала!

Она молчит.

Я хнычу, толкая ее локтем:

– Ну пожа-а-а-луйста! – пытаюсь разжалобить. – Ну ми-и-ленькая!

– На! – Она разворачивается вполоборота и тычет мне ножницами в живот. – Н-н-на тебе!

– А...

Бом!

Я вскакиваю, хватаюсь за бок и отнимаю пустую ладонь... – нет. Нет-нет, это мне только приснилось. Господи... Господи, господи...

Бом! Я наконец понимаю, что это просто колокол. Монастырский колокол звонит к полуночице. Тру нос – запах сгоревшей снеди из сна, навязчиво-приторный, никак не улечивается.

Снова падаю на холодную кровать, укрываясь с головой хлипким, сто раз стиранным одеялом.

Ресницы намокают от слез, глаза режет...

Еще пару секунд, Господи, пару... Зажмуриваюсь, выдыхаю и встаю, словно солдат. Быстро надеваю облачение, привычно заправляю узкую койку – ни складки.

Бом! Бом! Бом!

Странный какой-то бой... Замираю. Нет, это не к завтрашнему, это не то, не то...

Бом! Бом! Бом!

Тук-тук-тук!

Оборачиваюсь к двери, сердце подкатывает к горлу.

– Сестра Анфиса, сестра Анфиса...

Открываю дверь:

– Что?!

Юная сестра Евдокия еле шевелит побелевшими губами:

– Пожар!

– Господи! – Я отшатнулась.

Запах гари становится сильнее...

Евдокия тянет за рукав:

– Скорее!

Не обращая на нее внимания, делаю пару шагов в противоположную сторону, к подоконнику – резко поддеваю край и вытаскиваю из тайника небольшой сверток. Сую его в подрысник, и мы выбегаем из кельи.

Тридцать лет назад

– Пам-парам-пам... – Тонька поправила на плече тяжелую сумку, набитую учебниками, – ну что, сестройка, будем сегодня «Секретные материалы» смотреть?

– У меня режим. – Я прикинула, в котором часу будут идти «Материалы», хотя посмотреть очень хотелось. – И не называй меня так.

– Режим, – Тоня кивнула. – Ну и дура.

Она была старше ровно на двадцать месяцев и один день – у меня день рождения двадцать первого декабря, у нее двадцать второго апреля. Более непохожих сестер, чем мы, даже представить сложно. Это касалось и внешности. Тонька была выше меня на голову, кудрявая и рыжая, как мама. Глаза у нее, как у мамы, были светло-карие, и брови чуть темнее. А у нас с Женьком и у папы торчали в разные стороны русые патлы и были одинаковые серо-голубые глаза с короткими невнятными ресницами. Правда, Тоньку сплошь покрывали веснушки, включая плечи и спину, а у мамы, хоть она тоже была рыжей, веснушек не было.

Мы сдавали летние сессии почти одновременно. Она на юрфаке СПбГУ, я – в Лесгафта². И сразу после сессии мне

² Университет Лесгафта (Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта) – старейший в России и Европе спортивный вуз в Санкт-Петербурге; готовит тренеров, педагогов,

нужно было ехать на сборы.

– Привет! – крикнула я с порога в глубь квартиры. – Есть кто живой?

Из кухни вышли папа с братом.

Они были похожи друг на друга как два листа одной березы – невысокие, широкоплечие, коренастые. Оба вихрастые, те же скулы и подбородок чуть-чуть сердечком.

– Привет, – спокойно сказал отец и поморщился. – Обязательно так кричать? Мы занимались.

Женек растерянно, будто спросонок, поморгал и кивнул:

– Привет.

– У него, – Тонька указала на Жеку, – скоро мозги расплавятся от ваших занятий. Он, между прочим, живой человек...

Отец с легким презрением кивнул сестре:

– Не всем суждено прозябать в нелепой и никому не нужной юриспруденции.

– Пап! – Я бросила на него взгляд. – Ну что ты...

– Не суй свой нос, Софья. – Он посмотрел на меня спокойно. – У тебя хоть какая-то цель в жизни есть, не то что... у этой! – Он кивнул на сестру.

– А что, быть юристом – это не цель? Это не нормально?

– Я даже спорить не буду, – отец устало вздохнул, – бесполезно. Ты все равно ничего не поймешь. Не суждено тебе. –

Он нарочито задел ее плечом и направился в комнату. — Евгений, еще полчаса.

— Да, пап. — Женек выразительно посмотрел на нас обеих — мол, не лезьте — и пошел за отцом.

Последние года три-четыре отец называл нас исключительно полными именами. Хотя Тоньку он чаще всего не называл никак, просто «ты».

И сейчас она в злом бессилии бросила свою сумку в угол комнаты, под стол. Я закатила глаза — так надоело, уже сил нет — вечно они пререкались! И вообще дома уже давно царило холодное напряжение, пронизывающее сквозными нитками весь дом.

Где-то через час с хвостиком, когда Жекина повинность в виде решения бесконечных логарифмов, пределов и прочей высшематематической и физической чепухи была исполнена, а отец умотал на регулярное собрание своей лаборатории, мы наконец собрались на кухне. Радовались тому, что мама была еще на работе.

На маленькой хрущевской кухне большую часть занимал диван, встроенный в угол, и стол перед ним. Обычно мы втроем помещались на нем, а папа и мама садились на табуретки с двух сторон.

Достав из холодильника ужин и разогрев его, мы сели за стол. Тонька повернулась к брату, и лицо ее осветилось теплой улыбкой:

– Привет, Вжик! Как ты тут?

– А, Тоня... – Он вздохнул и отвел глаза.

Она чуть приобняла его, широкоплечего:

– Я люблю тебя, маленький Вжик, не грусти. Чип и Дейл спешат на помощь!

– Тонь! – Он с улыбкой повернулся. – Ну я ж уже не маленький, ты чего?

Мы давно играли в эту игру – мы с сестрой были Чипом и Дейлом, а Жека – крохотным Вжилом.

– Маленький! – Она, чуть посмеиваясь, ткнула брата в бок. – Еще какой маленький! Тебе только восемнадцать исполнилось.

– Так исполнилось же – совершеннолетний! – Благодаря ее теплу он немного оттаивал после разговора с отцом.

– А мне уже почти двадцать два! Так что попрошу, мелюзга!

– Ну, двадцать два тебе будет еще только в декабре, – резонно заметил брат, – а сейчас только лето наступает.

– Все равно мелюзга. – Она потрепала его по волосам.

– Мелюзга-мелюзга, – в тон сестре сказала я, толкая Жеку в плечо с другой стороны. Мне нравилось ее веселье. – Самая мелюзговая мелюзга!

Жека расхохотался, приобнимая нас обеих:

– Ох, девчонки, что бы я без вас делал?

– Рехнулся бы с нашим придурочным батюшкой, – уверенно сказала Тоня.

– Не надо так, – осторожно заметил Жека, чуть отстранившись, – он отец и имеет право...

– Боже, – вспылила сестра, – я тебя у-мо-ля-ю! Хотя ты не поддавайся этой хрени! Что он умеет? Ну... что?! Оскорблять нас, Жень...

– Антонина, он – отец. – Женек выпрямился.

Тонька замерла, глядя ему в глаза:

– Ну, все, капец! И ты туда же! Будешь теперь называть меня «Антонина»?

– Это правильно, – чуть растерялся брат, наклонив голову, – потому что полные имена – это настоящие имена, а не...

– Ладно, все, – Тоня замахала руками, – все, даже думать не хочу. И «Евгений» тебя называть не буду.

Он кивнул:

– Это не обязательно, но лучше...

– Нет, я так больше не могу! – Тоня закатила глаза и встала. – Просто не могу... – Она посмотрела на брата умоляюще: – Не слушай его, пожалуйста, не слушай! Не становись роботом, как он!

– Ну хватит, успокойся, – примирительно сказал Женек, – давай просто не будем об этом.

– Ну да. – Она смотрела на него, чуть не плача. – Ох, господи...

Сестра развернулась и направилась в комнату.

Остаток дня прошел в серой пыльной тишине. Жека сидел и решал свои задачки, Тоня пялилась в уголовное право, а я

изучала анатомию – тренировки у меня сегодня не было.

Плотная штора неплотно закрывала окно, я смотрела в просветы по бокам – солнце и не думало садиться, сезон белых ночей был в самом разгаре. Я уже пробовала считать овец, смотреть в одну точку, не шевелиться – заснуть все равно не получалось.

Наша длинная, узкая, похожая на школьный пенал, комната разделялась шкафом – моя и Тонькина кровати у окна, шкаф поперек комнаты, Женькин темноватый закуток и дверь. Не бог весть что, но получалось почти две отдельные.

Изначально гостиная была проходной, но родители давно закрыли одну дверь и даже оклеили стены обоями, и теперь эта комната становилась их спальней на ночь, когда раскладывалась софа. Днем на этой же софе все валялись, глядя телевизор или читая. Отцовский большой рабочий стол находился в углу и был наполовину отгорожен стеллажом. Тут они с Жекой и занимались. Рядом со стулом ставилась небольшая табуретка, на которой брат сидел кузнечиком, решая задачи по математике и физике.

Я лежала без сна на своей спартанской кровати, достаточно жесткой и узкой. Рядом на такой же сестра дрыхла без задних ног, а у меня не получалось – мысли крутились в голове, и сон все не шел.

Щелкнул замок, тихонько скрипнув, открылась входная дверь. Это, наверное, вернулся отец – иногда собрания в ла-

боратории затягивались до полуночи.

Я прислушивалась к звукам: в ванной включился кран, потом раздался шум в туалете, снова вода. Послышались шаги и поскрипывание половиц в коридоре, на кухне зажегся газ, папа поставил чайник.

Из спальни вышла мама и что-то шепотом спросила.

Мое любопытство взяло вверх и я, рискуя быть обнаруженной, завернулась в плед, прошла насквозь комнату брата, тихонько потянула за ручку, приоткрыла дверь и села возле нее на полу, прислушиваясь.

Оглянулась – Жека спал, по-детски подложив ладонь под щеку.

– Ты чего так поздно? – Мамин голос, чуть слышный из-за двери, стал отчетливее.

– Собрание. – Отец тоже говорил шепотом.

– Лучше бы ты подработал где-нибудь, – протянула мама. – Собрание! Что делать-то будем?

– Я стараюсь! – ответил он резковато. – Я не виноват, что наука полетела ко всем чертям вместе с этой вашей перестройкой!

– Ну, знаешь, она такая же моя, как и твоя! Я-то здесь при чем? – Мама чуть повысила голос.

Тихо.

– Ладно, – снова заговорила она, – Максим, но нужно что-то делать! Ума не приложу, моя зарплата – смех один. Что там с пределом?

«С чем?»

– Не готов он еще... – заговорил папа тише.

– Так занимайся этим! Он должен быть не просто готов, он должен быть вышколен, как полковой пес, а ты резину тянешь! Что говорит главный? Ведь он готов!

– Не дави на меня! Я делаю все что могу!

– Да уж!

Чайник тихонько засвистел, но тут же перестал.

«К чему Жека готов?»

– Дети спят! – шикнула мама.

– Тебе налить? – Папа снова понизил голос так, что я едва могла разобрать.

На холодном линолеуме сидеть было зябко. Я поплотнее закуталась в плед и снова стала прислушиваться. Про какой предел они говорят? Что подходящее? К чему готов?

– Позови в гости Гинзбургов.

– Да ну... – замялся отец.

– По-зо-ви! – В мамином голосе послышались стальные нотки, которых я обычно от нее не слышала. – Надо поговорить про Женю...

– Насть! – Почему-то сейчас ее отец называл коротким именем, а не полным, как при нас.

– Тонька его с панталыка сбивает, совсем распоясалась. Ведет себя черт-те как! И он туда же!

– Да ладно, он же твой сын все-таки, – произнес папа с сожалением.

– Ты и так все знаешь, – отчеканила мама, – у Тоньки диагноз. Соня... Если хочешь, можем Соню...

– Нет! – отрезал отец. – Я тебе сказал – нет!

«Диагноз? У Тони? И я? Про что они говорят?»

– Вот и отлично! И группа крови у Женьки твоя, четвертая положительная. Давай, позови Гинзбургов, нужно будет поговорить спокойно, без свидетелей. Или к ним напросись в гости.

– Неудобно, – прошептал отец.

– Неудобно жить так, как мы живем, – рассердилась она, – давай уже, сделай что-нибудь!

– И тебе его не жаль?

– Хватит уже, – мамин голос звенел сталью, – не начинай! Я о нем забочусь. И обо всех нас! Разве не понятно? Он будет поступать в Мюнхен – и точка! Все же уже оговорено!

Я тряхнула головой, не веря своим ушам. Обычно мама так не разговаривала – жестко и властно. И... все время я думала, что это отец хочет, чтобы Женек поступал в Мюнхен. Разве нет? И этого хочет мама?

– Может, надо еще раз подумать, взвесить? – В его голосе слышалось бессилие: – Насть...

– Даже слышать не хочу, – сказала она как-то устало, – вопрос закрыт. И давай сменим тему. Тоня мне сегодня сообщила, что хочет перевестись на заочку и пойти работать с лета. – Скрипнул кухонный ящик – она доставала сахар.

– А вот это точно чушь! – Папа заговорил громко и от-

рывисто, быстро выходя из себя. – Хотя, впрочем, чему тут удивляться. Как говорится, яблоко от яблони... Скажи ей, пусть займется делом, иначе я займусь ею сам. Будет от зари до зари сидеть над физикой. Это я ей запросто могу обеспечить. Ты же не хочешь, чтобы она повторила твою судьбу?

Кажется, он не упускал возможности хорошенько позлиться на маму в ответ. Только было непонятно, в ответ на что. Так странно – они словно играли в пин-понг власти и раздражительности.

– Макс! – едва не вскрикнула мама.

«Повторила твою судьбу», – беззвучно произнесла я. Хм... интересно, что папа имеет в виду?

Они замолчали – повисла гробовая тишина, в которой было слышно, как чья-то машина въехала во двор, развернулась и выехала, как глухо тикали часы в прихожей, как кто-то из родителей пил чай и как посапывал во сне брат.

Я зевнула, замерзнув на полу, и подумала отправиться в кровать.

– За Сонькины сборы нужно деньги вносить, – сказала мама со вздохом, – раньше спорткомитет все оплачивал, а теперь – куда там!

– Ты в этом году разве не поедешь работать? – спросил папа, игнорируя последние слова мамы.

Каждый год мама ездила работать в пионерские лагеря воспитателем, когда они еще были пионерскими.

– В этом году порепетирую – лето самое ходовое время

– перед поступлением, а нормальных преподавателей мало, какой там лагерь, – вздох, – но не о том речь. Надо подключать Гинзбургов, Макс, а то все это вообще может замяться. Они ведь обещали, помнишь?

Отец хмыкнул:

– Ладно, разберемся. Девки сдадут сессии, Сонька отправится на сборы в Сочи, деньги я найду, Предел поможет, не в первый раз. Тонька тогда пусть едет работать в лагерь вместо тебя, нечего ей лоботрясничать половину лета. А Жеку, если что, я до поры заберу в НИИ пробирки полоскать, а там посмотрим, когда он пригодится.

– Надо, чтобы он пригодился сейчас, – настойчиво сказала мама.

– Да, я помню, – выдохнул отец.

– Деньги на Сонькины сборы все равно нужны. Где брать-то? Лаборатория ваша, все конечно, хорошо, но... сколько человек у вас сократили?

– Придумаем что-нибудь, везде трудности, – чуть растерянно отозвался он. – Мне Толик Безруков, одноклассник мой, помнишь? Про видеопрокат рассказал, им вроде человек нужен, технарь. Знаешь, новомодные фильмы пиратские на кассетах. Качество фуфло, конечно, но картинку разобрать можно.

– А что там нужно делать, – оживилась мама, – и сколько платят?

– Гм... – кажется, он встал, – ...вот завтра и пойду узна-

вать.

– Ладно, это хорошо. – По голосу было слышно, что мама обрадовалась. – Может, будет хоть какая-то стабильность.

– Какая уж тут стабильность, выжить бы.

Все разваливалось – вместо Ленинграда стал Санкт-Петербург, а вместо СССР – СНГ. Все ходили, ошалело пытались найти свое место в новой реальности. У кого-то это получалось, а у кого-то не очень. Отцовский физтех имени Иоффе еще держался, хотя то и дело звучали слова «реструктуризация», «сокращения», «переход на коммерческую основу».

Я прислонилась к углу, поджав ноги и подсунув под пятки плед, и думала о другом – очень хотелось в Сочи, попасть в основной состав олимпийской сборной, поехать в Атланту в девяносто шестом. Мне будет всего двадцать три, как Гришиной сейчас. И я смогу, я точно смогу если не взять золото, то попасть в тройку!

Вернувшись из мира собственных мечтаний, в которых я уже пела гимн, стоя на верхней планке призовой тумбы, в реальности послышалось, как мама тихо сказала:

– Пойдем-ка спать.

И отцовское короткое:

– Угу.

Раздался звук задвигаемого табурета, тихие шаги по коридору, щелчок дверной ручки в родительской комнате и едва уловимое поскрипывание старой тахты – мама с папой укладывались спать.

Тихо встав, я на цыпочках дошла до кровати, обернулась и завистливо посмотрела на Тоньку – та спала, отвернувшись к стенке.

За окнами снова посветлело – северные летние ночи короткие. Сон действительно все не шел, в голове то и дело всплывали фразы из их разговора – предел какой-то, что это? Гинзбурги, Жекино поступление... Может, я просто чего-то не знаю и не понимаю? Скорее всего, так и есть.

Глава 2

Через неделю я шла из института по Мойке. Лето щедро рассыпало вокруг солнечные искры – вода рябила крохотными ломкими гребешками. Я шла не торопясь, облизывая мороженое. На душе было легко и тревожно одновременно. Сессию я сдала на пятерки. Отец порадует. Хотя... не то чтобы. Он, конечно, сделает вид, что так и должно быть – дескать, а как иначе, – но я знала, что он будет рад. И мама будет рада. И Тонька. И может быть, даже мой бедный братишка, если вынырнет из своих сумасшедших задач.

Недавно я застала его за странным занятием – он что-то писал в тетради, но страницы оставались чистыми...

– Жек, это что? – Мне казалось, что он водит по строчкам ручкой, которая пишет невидимыми чернилами или не пишет вообще.

– Тетрадь Пустоты, – отмахнулся он, но тут же осекся, будто сболтнул лишнего. Он посмотрел на меня внимательно. – Не бери в голову, ладно? И не говори отцу о том, что я тебе сказал, хорошо?

– Ладно, – я взглянула на него с удивлением. – А тетрадь Пустоты – это что?

– Ерунда, – снова отмахнулся он, – так, метафора просто, не думай. Извини, Сонь, мне надо закончить.

– Так ты же... э-э-э... водой пишешь? – Я кивнула на его

тетрадь. – Не видно же ничего.

– Фосфоресцирующий раствор, – он чуть улыбнулся, – все хорошо, мне правда надо закончить.

Казалось, он был напряжен и ждал, когда я пройду мимо.

– Ладно. – Я пожала плечами и действительно постаралась выкинуть странную мысль из головы.

Тетрадь Пустоты? Фосфоресцирующий раствор? Бред какой-то.

Через пару дней Женя должен был ехать в Москву на медкомиссию. Документы он уже подал в Мюнхенский технологический университет – практически Мекка полупроводниковой физики, как у отца. Но почему-то туда брали только после серьезной медкомиссии, которую нужно было проходить в специальном центре в Москве.

За последнюю неделю братец как-то совсем сник и стал просиживать за учебниками сутки напролет. То один, то с отцом, то с Петром Семеновичем – отцовским коллегой, который то и дело заходил к нам в гости, чтобы заниматься с Жекой. Не знаю, платно или нет, но папа говорил, что Петька – математический гений. Хотя в последнее время отец его, как и всех остальных, называл исключительно полным именем.

И мне было искренне жаль Женькѧ – казалось, он становился просто машиной для решения уравнений, роботом – безэмоциональным и холодным. Как папа. И когда он таким стал? Мне казалось, что в детстве я помнила его совсем дру-

гим – веселым, смешливым, играющим с нами в морской бой и поддавки. А ночью в разговоре с мамой он был... каким-то другим. Не таким, как в детстве, но все равно более живым, что ли. Меня так и подмывало сказать ему, что я слышала их тогда, когда они с мамой разговаривали как нормальные люди.

Тонька тоже ходила хмурая, у нее остался один хвост на пересдачу. Отец только закатил глаза и сказал:

– Чего еще от тебя можно ожидать...

Сестра ничего не ответила, но было видно, что она расстроена.

Так хотелось, чтобы все было хорошо. У всех и всегда. Чтобы дома никто не ссорился, никто никого не наказывал молчанием, не говорил гадости и не заставлял делать то, чего не хочется.

– Всем привет. – Домой я пришла часам к пяти, набродившись по городу.

– Нет, не поедешь! – услышала я из кухни голос отца, хотя обычно в это время он был еще в своем НИИ.

– И что ты мне сделаешь, – возразила ему сестра, – ну вот что? Я по-е-ду! На свои деньги! Я сама накопила. И ничего ты мне не сделаешь. Я уже взрослый человек.

– Пап... – послышался тихий голос брата.

– Я сказал, нет! – Отец заговорил громче. – Он – твой брат!

– Вот именно!

Когда я вошла, они стояли по разные стороны стола друг напротив друга, а Жека сидел с торца.

– Что тут стряслось? – в шутку спросила я, надеясь разрядить обстановку.

Но домашние не обратили на меня никакого внимания и продолжили ругаться.

– Он твой брат, мужчина и взрослый человек. Поэтому он поедет один. Сам. Это важное условие.

– Чье? – Тонька сверкнула глазами. – Ну чье? Твое? Ты что, истина в последней инстанции? Пап, ну серьезно?

– В предпоследней. Я даже обсуждать это не стану.

– И прекрасно! Я тоже не буду, поеду, и все!

Отец посмотрел на Женьку и ехидно улыбнулся:

– А ты у него спроси. Хочет ли твой брат, чтобы ты везла его, как маленького, в Москву, а?

– Жень? – Тоня повернула к нему голову.

Жека сидел, опустив голову, и разглядывал собственные руки.

– Евгений? – спокойно спросил папа.

И как только брат поднял глаза, я уже знала, что он скажет.

Поняла это и Тоня. Не дожидаясь его ответа, она всплеснула руками:

– Господи! Да что ж такое! Ты же просто зомби! Просто зом-би!

– Не волнуйся. – Женек слегка улыбнулся. – Все будет хо-

рошо, я справлюсь. Я уже взрослый, все будет хорошо.

Тонька стояла чуть не плача:

– Да я просто с тобой хотела, что такого? Просто тебя поддержать на этой дурацкой медкомиссии, что за требования в этой идиотской Неметчине?³ Вместе было бы веселее.

– Я справлюсь. – Брат посмотрел на отца с опаской, как бы спрашивая: «Я все правильно сделал?»

Отец едва заметно кивнул:

– Справишься. Пора справляться.

Жека перевел на сестру просящий взгляд:

– Не стоит волноваться.

– Да идите вы все! – Тоня прошла мимо, нарочито задев папу плечом.

– Тонь... Тоня... – Я пошла за ней в комнату. – Что тут...

Она не плакала. Просто молча села на кровать и уставилась в окно.

– Тонь? – Мне было не по себе.

– Это все он, – обернувшись ко мне, процедила она сквозь зубы, – все из-за него!

Столько злости было в ее глазах... Она выплескивалась наружу, искажала лицо уродливой гримасой.

– Из-за кого? – не поняла я.

– Из-за отца! Мерзкая скотина! – прошипела она, брызгая слюной.

– Т-тоня... – Я опешила, на мгновение мне стало по-на-

³ Неметчина – устаревшее и разговорное название Германии.

стоящему не по себе.

– Мы все – его рабы, мы должны ему подчиняться... – Она закрыла глаза и втянула носом комнатный душноватый воздух. – Как же я его ненавижу... не-на-ви-жу. Убила бы, если бы могла.

– Ты что такое говоришь-то? – Я ее не узнавала. Никогда не думала, что в ней может быть столько злости.

– Он делает из Женьки марионетку, куклу! Разве ты не видишь, что тот боится его?!

Я растерялась:

– Да брось! Он, конечно, уважает отца, но чтобы бояться... Это вряд ли...

– И ты боишься! Пятерки вон таскаешь! И тренируешься на износ!

– Тренируюсь я для себя, Тонь, сама в сборную хочу, – вот уж не думала, что придется перед сестрой оправдываться, – и папа тут ни при чем. Что с тобой вообще происходит? Какая муха тебя укусила?

– Цеце, – огрызнулась Тоня.

Послышался дверной звонок.

Я посмотрела на наручные часы:

– Интересно, кто это?

– Папин друбан Петр, – передразнила Тоня, – пришел вбивать Жеке в башку гранит науки.

Размашистые шаги брата по коридору, щелчок замка в прихожей.

– Я ключи дома забыла, – сказала мама. – Как дела? – и позвала: – Тонь, ты дома?

Сестра вышла в прихожую.

– Я договорилась насчет тебя, – улыбалась мама, не замечая, какими удрученными были наши лица.

– Договорилась? – Сестра подняла бровь.

В небольшой прихожей, оклеенной салатовыми обоями в мелкую полоску, все не помещались, поэтому брат сделал пару шагов назад, отходя в комнату, а я осталась стоять в узком коридоре. Отец выглядывал из кухни.

Мама всех оглядела:

– Что-то случилось?

– Так о чем ты договорилась? – спросил папа.

– Антонину берут вожатой в лагерь. – Мама посмотрела на сестру и перевела взгляд на отца, как бы спрашивая: «Все в порядке?»

– А разве я просила? – удивилась Тоня.

– Поедешь, – холодно сказал отец, – не все же тебе бездельничать! Каждый будет заниматься делом!

– Да с какой такой радости?! – начала было сестра и взглянула на брата.

Он стоял немного в глубине комнаты и был виден только мне, Тоне и в профиль – маме. Понимая, что находится вне зоны досягаемости отцовского взгляда, Женька жалобно свел брови и, не отрывая глаз от сестры, прошептал одними губами:

– Пожалуйста, не спорь. Прошу тебя.

В его глазах читались мольба и отчаяние. И от этого напрягалась спина и лопатки каменели – что? Почему?

Тоня открыла было рот, чтобы возразить, но, увидев выражение Жекиного лица, сникла:

– Конечно, я поеду, мама. Спасибо, что договорилась. Когда смена начинается?

– Пятого августа, – похоже, мама не заметила этого небольшого разговора и просто была рада тому, что сестра не стала возражать, – как раз успеешь все закончить, досдать хвосты.

– Вот и отлично! – подытожил отец, выступая из кухни и с каменным лицом глядя на брата и сестру: – Никто не будет болтаться без дела. Софья на сборах, Евгений после поступления – со мной в лаборатории. И тебе, – он указал пальцем на сестру, – хоть какое-то дело нашлось.

Нелепо и странно, но я почему-то обиделась, глядя на Тоню с Жекой. Они... будто бы были заодно. Как два солдата против одного врага. Их что-то объединяло. Ненависть к отцу? Общая боль? Я вдруг почувствовала себя совсем чужой, не вписывающейся в крохотный кружок, состоящий из них двоих. И невольно хотелось «объединиться» с отцом и сказать, как и он: «Да-да. Нечего сидеть без дела!» Я посмотрела на маму и подумала: «Она что, ничего не видит и не понимает?»

– Ну, что все застыли? – Мама обвела нас веселым взглядом. – Все же так удачно решилось!

– Мне пора на тренировку, – не хотелось оставаться дома.
– Я заниматься, – брат быстро стрельнул глазами на Тоню.
– Пойду пройдуся, – буркнула она, опустив голову, не глядя ни на кого.

– И прекрасно! – холодно улыбнулся отец.

Я развернулась и быстро пошла собираться – мне хотелось поскорее сбежать из этой чертовой квартиры, которая вдруг напомнила мне тесную птичью клетку с проклеванным дном, которую мы выбросили на помойку, когда наш старый попугай Кешка тихо умер в ней от старости два года назад.

На тренировку – там была свобода. И воздух, и будущее. Что-то взрослое и реальное. И собственный клинок – продолжение тебя, твоя тень и защита. Там все было таким простым и настоящим. Сейчасным. Время в решающую секунду растягивалось словно резина, и победа зависела только от того, как быстро ты сможешь уловить эти крохи секунд, растянуть и наполнить собой. Тело слушалось мгновенно – все зависело от тебя. Чистая магия. Не то что тут – труха и пыль.

Впереди плыл и плавился июль, солнце поджаривало до ржавых пропалин скелеты жестяных крыш, дни давали стрекача, мелькали мимо. Тренировки, тренировки, тренировки... Я видела, как Вадим Петрович стал смотреть на меня – более заинтересованно, внимательно, критично. И стал ставить в спарринги со старшими и самыми сильными.

«Давай-давай, Решетникова, глядишь, и выйдет из тебя толк!»

Он говорил, что активно ведутся разговоры о том, что на Олимпиаде в Атланте введут женскую рапиру. Поэтому нам нужно быть готовыми. Этим летом в Барселону поехали только наши девчонки-шпажистки. И парни разнооружейники – рапира, шпага и сабля, но на следующую Олимпиаду...

«Готовься к Атланте, Решетникова, тебе будет двадцать три – самый возраст!» – говорил Петрович, глядя мне в глаза, и от этих слов внутри словно вырастали крылья. От уколов горело тело и появлялись синяки, но мне было наплевать, и я выматывалась на тренировках едва ли не до потери сознания.

Белые ночи укатились, июль перелистнул календарь середины года и поехал дальше.

Я снова шла по Мойке из родного института – летом после сессий он становился почти пустым. Оставались только те, у кого, как у меня, был допуск в спецзалы, ну и набивалась зеленая абитура.

Домой идти не хотелось. Жека съездил один в Москву, прошел все медицинские тесты, вернулся и снова не отрывался от книг. Отец с ним занимался еще усиленнее. Дома становилось совсем невыносимо – казалось, в воздухе тяжело повисли странная безысходность и тоска.

– Ну нельзя же быть такой бестолочью, Евгений, – говорил он, глядя на брата с недовольно-презрительной гримасой. – Не тупи, это же простые вещи. Еще три задачи. Логика, сын, ло-ги-ка! Просто включи мозги!

Женек сидел в отцовском закутке в гостиной на неудобной табуретке с напряженной спиной и безотчетно мямл переносицу указательным и большим пальцами, а отец стоял, нависая над ним.

– Пап... – брат поднял глаза, пытаясь оправдаться, – я решаю задачи седьмой час, наверное, просто слегка запутался.

– Запутался? – усмехнулся отец. – Седьмой?

Он скрестил руки и стал пристально смотреть на брата, пока тот не съежился, вдавив голову в плечи:

– Прости, я сам не понял, что сказал.

– Вот именно, – холодно отчеканил отец, – Иди на кухню, выпей чай с сахаром, подкинь мозгам немного дров и приходи, продолжай. У тебя десять минут. А потом немецкий, некогда отлынивать. Сколько слов ты сегодня выучил?

– Двадцать, – отчеканил Жека.

– Всего-то?

Когда Жека вышел, я спросила у отца:

– Чего ты с ним так строго-то, а? Может, хватит ему уже...

Он же мучается...

– Ты ничего не знаешь и не понимаешь. – Отец посмотрел на меня угрюмо. – Ты женщина, существо эмоциональное и нестабильное. Не пытайся сделать из брата нечто подобное. Он – отличник, мужчина, а значит, должен обладать волей. И стремлением. И силой. Характер закаляется в боях, а у него, – он кивнул на дверь, – какие бои? Смех один!

– А у тебя, – мне хотелось продолжить разговор, – разве

у тебя были бои?

Отец чуть вскинул бровь:

– Бои? Ты смотри, верно подмечено! Буквально я, конечно, не воевал, если ты об этом, но отец бил и меня и брата за малейшую провинность. Мы дома по струнке ходили. И таких вопросов задавать не то что не смели – даже и не думали. Бои... вот тебе и бои. Я в пятнадцать лет уже работать пошел. И учился на вечернем, чтобы школу окончить, и в институт поступал сам, без всяких репетиторов, тушенку на книги выменивал. А ты говоришь, не было боев. Были, еще какие, Софья, еще какие! Так что не потакай брату, как сестра твоя полоумная, которая все мечтает из него своего персонального сыночка сделать. Он мужчина. Ему решения в жизни принимать серьезные придется. И, надеюсь, за многих людей тоже, если сможет стать лидером, а не размазней. А для этого нужны знания. И характер. Поняла?

Я молчала.

Не то чтобы я была с ним совсем не согласна, просто... это же Женек, мой младший братишка.

– Софья?

– Да, пап, наверное, ты прав, все равно мне кажется, что ему... – я кивнула на дверь, – не очень хорошо.

Отец пожал плечами:

– Тяжело в учении – легко в бою. Ты ведь сама знаешь, ты же боец.

– Знаю.

Я действительно знала.

Ровно через десять минут в дверях появился брат с совершенно бесстрастным лицом, готовый к решению новой порции задач, и снова сел на неудобный табурет, ссутулившись.

– Мама, мама... – кричала Тонька, – ты что, НЕ видишь?! Ты сле-па-я?

Я только вошла в дом после вечерней тренировки, ощущая, как ноет правый бок от сильного укола Савиной, и стараясь не обращать на это внимания.

Ни Жеки, ни папы дома не было: они ушли на очередное заседание отцовской лаборатории. В последнее время отец часто таскал его с собой – дескать, там разрешали, а Женьке полезно. Мама с Тоней были на кухне.

– Он же издевается над ним! – продолжала Тоня, не замечая, что я стою в дверях. – Он же просто издевается над Жекой, мам! Ну хватит закрывать на это глаза, невозможно уже!

– Прекрати! – прикрикнула мама. – Перестань, слышишь! Ты ничего не знаешь! Ты не знаешь ничего! Отец пытается сделать из него мужчину. Настоящего мужчину.

– Эй, я дома! – Я попыталась обратить на себя внимание. – О чем речь?

– Отвали! – гаркнула сестра. – Иди вон палкой своей маши, курица слепая, ничего не видишь и ничего тебе не надо!

– Тонь, ты чего? – опешила я, совершенно не ожидая от нее такого едкого тона.

– Перестань, – снова сказала мама, – и не разговаривай

так с сестрой! Да что с тобой вообще такое творится?! Тебя как подменили!

– Это с вами что творится? – Тоня обвела всех глазами. – Отец постоянно издевается над твоим, – она чуть не ткнула маму в грудь пальцем, – сыном и над твоим, – она указала на меня, – братом, а вы рты позакрывали и молчите в тряпочку. Как будто ничего не происходит! Он же нормальный парень, ему восемнадцать лет, а он даже на улицу не выходит – сидит, не отрывая башки от тетрадок. Это что, нормально?

– Он же к поступлению готовится, – резонно возразила мама, – в один из самых престижных вузов Европы!

– Так что ему теперь, не жить вообще? – Тоня уставила руки в бока. – Жизнь, между прочим, состоит не только из учебы...

– Все, хватит! – Мама выставила вперед руку. – Хватит! Тебе заняться нечем? Пока ты живешь в этом доме, ешь здесь и спишь, ты будешь подчиняться правилам. Уважать отца и меня!

– Бред! – сестра всплеснула руками. – Просто бред сивой кобылы! Ненавижу вас обоих, слышишь?! – в отчаянии говорила она. – Ненавижу!

– Тонь... – Я оторопела. Никогда я не слышала от нее таких слов и не думала, что она способна бросить их маме в лицо.

– Ты пожалеешь об этом, сильно пожалеешь, – спокойно и с грустью сказала мама. – Уходи. Иди, куда хочешь, видеть

тебя не хочу.

Тоня посмотрела на меня, столбом стоящую в дверях:

– Кукла безвольная!

И, оттолкнув меня, прошла мимо.

Той же ночью я проснулась и, собравшись в туалет, услышала шепот Жеки. Бросила взгляд на Тонькину кровать – никого.

Я аккуратно встала и неслышно подошла к шкафу, случившему перегородкой между нашими полукомнатами. За-таила дыхание, прислушалась.

– Жека, поехали со мной, – прошептала сестра, – я пере-ведусь в Новосибирск. Я узнавала, это возможно и несложно устроить. Поехали. Там будет хорошо, я обещаю.

– Нет, Тонь, нет, – в ответ прошептал брат. – Я не могу.

– С чего вдруг? Ну с чего? – Тонька повысила голос.

– Тише, тише ты! – прошипел на нее Жека. – Я не могу, просто не могу. Это убьет отца, он на меня рассчитывает.

– Чертов зомби. – Ее шепот был не громкий, но злобный и отчетливый. – Он из тебя сделал робота, Жека. Господи боже мой...

– Тонь, ну... – Его голос потеплел. – Да не зомби я. Да и что мне делать – где? В Новосибирске? Ты серьезно?

– Абсолютно, – слышались резковатые нотки. – А что? Нормальный город. Ничуть не хуже Ленинграда. И уж точно подальше... – пауза, – от этих двоих. Поехали! Жить там бу-

дешь, Жека, жи-и-и-ить! Нормальной человеческой жизнью, а не сидеть за уравнениями. Ты ведь этого на самом деле не хочешь.

– Хочу, – быстро ответил брат.

– Нет, не хочешь! – Тонькин голос снова стал громче. – Я же знаю. Я помню, как ты в детстве хотел рисовать машинки и играть в хоккей, помнишь?

– Всем мальчикам нравятся машинки и хоккей, – спокойно сказал Женек, – но я уже взрослый мужчина и должен...

– Не могу это слышать! Не могу больше эту хрень слушать! Сколько можно? Если ты «взрослый мужчина», то что, перестал быть живым? Тебе нельзя хотеть чего-то своего?

– Нет, – ответил Жека, – но важно исполнять свой долг, а не следовать низменным желаниям, которые делают тебя слабым и беспо...

– Господи, какой беспросветный бред! Да, здорово он тебе мозги прокачал. Неужели ты и правда поступишь в Мюнхен, в этот физтех и умотаешь? Ты же не хочешь туда, Жек...

– У меня нет выбора, – еще тише, почти неслышно, сказал он. – Просто нет, Тонь. Это единственный выход, пойми. Может быть, когда я пройду это испытание, если пройду...

– Ладно, все. Все. Не могу же я тебя упаковать в чемодан и увезти. Хотя я бы это сделала, поверь.

– Все будет хорошо, – он попытался ее утешить. – Не волнуйся, я выдержу.

– Зачем он таскает тебя в лабораторию? – жестко спросила

Тоня. – Что вы там делаете? И что это за тетрадь, в которую ты пишешь невидимыми чернилами?

«Тетрадь пустоты», вспомнилось мне. Я все еще стояла возле шкафа, забыв о том, что встала для того, чтобы пойти в туалет.

– Ерунда, – быстрый шепот брата.

– Это он тебе приказал? Это он...

– Никто ничего не приказывал. Успокойся. Это я сам! Сам. Моя инициатива. И вообще, не нужно об этом говорить, я не собирался никому показывать.

– В такой маленькой и густонаселенной квартире сложно что-то утаить.

Они оба замолчали. Потом снова заговорила Тоня:

– Я боюсь за тебя. Реально боюсь за тебя, братик.

Жека чуть усмехнулся:

– Братик... в последний раз ты меня так называла, когда я был маленьким. Я уже...

– «Взрослый мужчина», да-да, я помню. Я просто очень тебя люблю. И хочу, чтобы тебе было хорошо. А папаша наш – псих с непонятными идеями в голове. Имей это в виду.

– Брось, все будет хорошо.

– Не поступай туда, не поступай, Жень!

– Я очень надеюсь поступить, потому что в противном случае будет хуже. Намного хуже. Даже представить страшно, насколько. Он мой отец, и я должен. Правда, я переживаю за Соньку – если я поступлю, то уеду в Мюнхен, а ты...

и правда в Новосибирск?

– Правда, дело почти решенное. Только не смей говорить ни отцу, ни матери, слышишь? Пока нет подтверждения. А потом я даже спрашивать не буду, просто соберу шмотки и свалю. А что они мне сделают? Ну не прикуют же наручниками к батарее. Хотя... с них станется. Все равно уеду. Не могу я тут больше.

– Сонька одна останется, – тихо сказал Жека.

Стоя за шкафом, я сглотнула – во рту вдруг пересохло.

– Не пропадет, – Тонин голос был беззаботно-беспечным, – тем более, она у нас отцовская любимица – «у Софьи стальной характер, будущая чемпионка, Софья то, Софья сё», уже тошнит, честное слово.

– Да брось, ну что ж ты так, – укоризненно сказал брат. – Она хорошая. И любит нас.

– Я и не спорю, – сказала Тоня спокойнее, – просто констатирую факт: Сонька не пропадет. Да она и не живет дома почти – так, только ночует, в обнимку со своей рапирой. Же-е-ек, ну подумай еще, может, все-таки Новосибирск? Ведь это реальная свобода! Совсем другая жизнь начнется.

– Я не могу предать отца, – упрямо ответил он.

– Дурак!

– Тонь!

– Дурак и есть!

– Пошли спать, а? – В его голосе послышалась усталость. – Завтра рано вставать.

– Ты когда едешь? – Сестра перескочила на другую тему.
– Послезавтра.
– И сразу экзамен?
– На следующий день.

– Ладно, маленький Вжик, кажется, Дейл тебе больше не нужен, – с грустью сказала Тоня. – Не дай ему сломать тебя, Жек. Хотя, кажется, он уже...

– Ты мне всегда нужна, Тонь, – говорил он щемяще-тепло, – и всегда будешь нужна. Даже если будешь в далеком Новосибирске.

И мне стало так грустно. Мне он такого никогда не говорил, да и она тоже. Потому что слишком ревновала меня к отцу? Или к маме? Хотя всегда казалось, что со мной отец был таким же строгим, как и с ними, а мама – такой же отстраненной.

– Ладно, давай спать. Спокойной ночи, Жек.

– Ага. Спокойной ночи, – сказал он сонно.

Я услышала легкий шорох, мгновенно отлепилась от шкафа и, сделав пару шагов, легла в кровать. Сердце колотилось под ребрами, я замерла и услышала, как Тоня ворочается в своей постели, укладываясь. Через несколько минут ее дыхание стало ровным. Я подождала еще минут десять для верности и направилась в туалет. Проходя Жекину комнату, я приостановилась и посмотрела на брата – он дрых без задних ног.

Когда Женька улетал в далекий и таинственный Мюнхен, отец запретил нам его провожать и поехал с ним в аэропорт один.

Я думала, что у них с Тоней будет очередная серьезная ссора, но сестра только коротко кивнула и уселась за свой стол, уткнувшись в книгу. Мы все знали, что часть денег на билет до Германии отцу предоставила его лаборатория, и теперь все – и эта чертова лаборатория в том числе – ожидали от Женьки поступления.

Мы с братом неловко обнялись, и я шепнула ему на ухо:
– Я тоже тебя очень люблю, маленький Вжик. Чип всегда с тобой.

Он посмотрел на меня немного удивленно. Затем радостно улыбнулся:

– И я тебя.

– Все, все, хватит этих телячьих нежностей.

Мама выдала брату «сухой паек», отец взял его рюкзак, а Жека подхватил большую сумку:

– Буду звонить по возможности.

– Обязательно звони, – мама чуть приобняла его за плечи, покосившись на отца, – сразу, как будет что-то известно.

– Хорошо, мама, – деревянненько откликнулся он.

– Пока, – кисло скривилась Тоня, стоя по-одаль.

– Пока. – Он старался на нее не смотреть.

Как только Жека ей ответил, она тут же ушла в свою комнату.

Папа открыл входную дверь:

– Ладно, все, ни к чему долгие проводы, вперед!

Брат поправил на плече тяжелую сумку, обернулся на нас с мамой:

– Я позвоню.

Дверь за ним закрылась. Я слышала, как загудел лифт, открылись двери на нашем этаже, закрылись и лифт поехал вниз.

Мы с мамой еще немного постояли в прихожей, а затем молча разошлись.

Дом погрузился в ожидание.

Женьку предстояло сдать несколько предметов на немецком, в том числе сам язык.

Он звонил редко и кратко. Я видела, как мается Тоня: она стала угловатой и молчаливой, слегка ссутулилась. Домой приходила как можно позже, а уходила довольно рано – впрочем, как и я. Поэтому виделись мы редко и перекидывались от силы парой слов.

Но вот наконец усталый жаркий июль закончился и брат вернулся – похудевший и замученный, но с победой! Он так поступил в этот невозможный вуз, взяв какой-то грант. Теперь ему предстояло обучаться почти бесплатно. Остальное оплачивала отцовская лаборатория.

Все наконец-то выдохнули. И Тоня, и я повеселели. Повеселела даже мама и стала называть Женька молодцом-огур-

ЦОМ, ГОТОВИТЬ ПО ВОЗМОЖНОСТИ ВСЯКИЕ ВКУСНОСТИ.

Глава 3

Первого августа вечер стучал по клавишам крыш дробным дождиком, все провожающие ютились под зонтами, сбиваясь плотными стайками. Поезд уходил в восемь вечера.

Провожать меня пришли все, кроме мамы. Даже отец отпросился из своего видеопроката.

Я уезжала на месяц вместе с командой и тренером на нашу базу «Спорт-Юг» в Сочи, а Тонька с Женьком через пару дней отчаливали в лагерь на Ладожском озере под Петербургом.

Это была какая-то мистика, но и Тонька, и Жека ехали вместе.

Неожиданно отцовская лаборатория закрылась на весь месяц, и брату там было делать нечего. Работа вожатым – все-таки настоящая работа, а халявная кормежка плюс природа – почти отдых, за который еще и платят деньги. Небольшие, но все-таки.

Поэтому отец нехотя согласился – доводы были резонные. К тому же сумасшедшее напряжение последнего года, полностью посвященное подготовке к физтеху, наконец закончилось. И закончилось именно так, как мечтал отец – его сын стал частью элиты элит. Хотя я время от времени вспоминала их с мамой ночной разговор: кто именно хотел Жекиного поступления – тот еще вопрос. И при чем тут его

группа крови?

Тоня ничего не объявляла о Новосибирске – наверное, этот план провалился. Если честно, я не думала, что она была настроена всерьез. Так, досужие разговоры.

Мне было жалко, что брат уедет, но в то же время радостно. Может быть, дома атмосфера как-то потеплеет, а то ужасно надоело это постоянное напряжение. И так время, мягко говоря, беспокойное, неопределенное. И если в прошлом году мы еще ездили на сборы при полном финансировании Госкомспорта, то в этом часть оплачивали сами спортсмены, точнее, их родители. Те, кто мог, конечно. А могли не все. Мои выкрутились и оплатили, и я была им за это бесконечно благодарна.

Мы стояли на перроне. Дождь капал с округлых крыш на рельсы, которые влажно поблескивали в вечерней полутьме.

Спортсмены загружались в вагоны. С нами ехала мужская команда, все вперемешку – шпажисты, саблисты.

– Ты звони, не пропадай там совсем, – отец, смущаясь, смотрел исподлобья. – Ну и тренируйся хорошо.

– Обязательно, пап, – мне уже не терпелось оказаться в поезде и под стук колес болтать с подругами по оружию или валяться на верхней полке, уткнувшись носом в книгу.

– До отправления десять минут, – слышалось рядом, и я глянула на часы.

– Ладно, мелюзга, – Тонька легонько щелкнула меня по

носу, – наш олимпийский резерв, надежда и опора. Смотри там, порви всех на лоскуты!

Я усмехнулась:

– Еще как порву, не сомневайся. Вы тоже с братцем, – я кивнула Жеке, – отдохните там нормально. Ну и детей ваших отрядных не угробьте.

– Не волнуйся, – улыбнулся он, – мы с Тонькой, – он глянул на сестру, – банда, ты же знаешь!

– Банда! – Я тоже улыбнулась. – Я бы с вами с удовольствием поехала!

– Ну так давай, – засмеявшись, сказал брат, – будешь у нас физруком.

– Это если со сборной не выгорит, – я снова посмотрела на часы. Мы так могли болтать бесконечно.

– Выгорит, выгорит, – Жека подошел ближе и положил мне руку на плечо. – У меня получилось, и у тебя получится. Решетниковы – сила!

Хоть мы и стояли в сторонке, вокруг нас все равно снова-ли люди. Какой-то парень, бежавший мимо, нес в руках головокружительно пахнущий кулек с жирными пирожками и кричал: «Володька, я тут, тут!» Тоня сделала шаг в сторону, пропуская его, и встала рядом с Женьком.

Оказывается, они были почти одного роста – Жека всего на пару сантиметров выше. Тонька – длиннорукая-длинноногая, с медной кудрявой копной, с которой она вечно мучилась. Брат – коренастый, широкоплечий. У сестры карие

глаза, а у Жеки, как у меня и отца, – серо-голубые. Они вроде бы очень разные, но в то же время между ними чувствовалась неуловимая общность очень близких людей. И снова я ощутила себя такой одинокой – лишней среди них.

– Ладно, народ, мне пора, – я по очереди обнялась со всеми.

Жека подхватил мою объемную сумку, я взяла чехол с рапирой, и мы вошли в вагон.

Место оказалось аккурат в середине вагона, верхняя полка – вот и отлично. Брат закинул сумку наверх:

– Все, я пошел?

– Береги себя, пожалуйста, маленький Вжик, – я обняла его крепко. – Отдохните там как следует.

– Провожаящие, просьба выйти из вагонов, – слышался гнусавый голос полноватой проводницы, которая поглядывала на нас с интересом. Вероятно, думала, что Жека мой парень. – Уважаемые отъезжающие, приготовьте для проверки свои проездные документы.

– Ладно, отъезжающая, пока.

– Пока, – я кивнула ему, а затем помахала рукой, глядя, как он отдаляется по узкому плацкартному проходу.

В вагоне было светло и тепло, я смотрела в окно: отец, Тоня и брат остались по ту сторону грязноватого стекла. Мама не пошла – она никогда не ходила никого провожать, говорила: «Долгие провода – лишние слезы».

Состав передернулся всем туловом и снова замер.

Я махала им руками, а они махали мне в ответ.

А когда поезд неспешно тронулся, мягко отплывая от платформы, их фигурки постепенно стали меньше и наконец провалились в вечернюю затуманенную хмарь. Я уткнулась лбом в стекло, за которым мелькали сначала знакомые улицы, потом незнакомые – и вот наконец окраина Петербурга сменилась лесной полосой, прореженной небольшими дачными поселками.

Ко мне подседа подружка-соперница Каринка Галкина, и мы начали обсуждать ребят-шпажистов, ехавших в соседнем вагоне.

Пять лет назад

Воспоминания расползаются раненой кровавой ватой, и сейчас невозможно четко восстановить последовательность событий. Они просто есть.

Холодная предрассветная тьма ложится тяжелым тулупом, сплющивая полустанок между мерзлой землей и сероватым гранитом небес. Январь, еще прянично-праздничный, держит за оконным стеклом станции облезлую искусственную елку, щедро увешанную пластиковыми блестящими шариками. Сама станция закрыта – свет от елочной гирлянды ложится отблесками на деревянный пол и скамейки.

Перетапываюсь с ноги на ногу в попытке согреться – когда же откроют? Первая электричка должна быть скоро. На-

верное, скоро. Держу в руках плотно упакованный в целлофан сверток. Надо бы его куда-нибудь положить... Шаг в сторону, шарю в одной мусорке – ничего подходящего. В следующей и еще в одной. Они слегка припорошены снегом. О, вот кажется... Достая пакет, на котором написано «Ашан». В нем остатки какой-то еды, но не жирной и липкой – булки, крошки, всякая ерунда. Вытряхиваю все птицам на скамейку и кладу в пакет свой сверток – годится.

Прохаживаюсь туда-сюда, туда-сюда. Ноги гудят от почти двухчасовой ходьбы, но я не останавливаюсь. Хочется пить, да и к голоду я давно привыкла. На мне только скуфья и апостольник. Хорошо, хоть это успела надеть, а то бы и выбежала в одном подряснике. Но теплого ничего нет – ни полушубка, ни старого замызганного пальто, которое так и осталось висеть на крюке в келье и наверняка уже сгорело. Пока быстро шла, было еще ничего, но сейчас мороз дает о себе знать.

Хожу вдоль рельсов, как челнок, и в конце концов не выдерживаю, сажусь на ледяную скамью, откидываюсь и вытягиваю ноги – хо-ро-шо.

Полая круглая тишина накрывает меня, будто невидимая сфера, поднимаю лицо к равнодушному зимнему небу. Господь мой праведный, Господь милосердный... Закрываю глаза – колючий морозец мгновенно окутывает с головы до пят, но я не дрожу, ощущая приятное расслабление, позволяю холоду войти глубже. Тепло сходит волнами р-раз, р-

раз... пытаюсь укрыться от надвигающегося спасения.

Может, все и закончится вот так? Неужели так просто? Я улыбаюсь... р-раз... снова волна. Теплу некуда бежать, оно сжимается, просит пощады и прячется в самом сердце.

Перед внутренним взором мельтешит недавний пожар. пока в толкотне и неразберихе сестры, послушницы и трудницы бросились спасать то, что все равно сгорит, я тихо убежала в лес. Хватятся меня в лучшем случае на следующий день – кому есть дело до беглой инокини? Невелика птица!

Приятный сонный туман окутывает голову, и поза уже не кажется неудобной. Я уговариваю сердце сдаться, не бороться, поддаться милосердной руке спасительного холода, нежно поглаживающей и убаюкивающей мою жизнь.

«А я прыгнул сегодня двойной аксель!»

«Убери сковородку с плиты, масло горит!»

«Рядом с московской квартирой есть хорошая гимназия».

«Тебе бросать фехтование никак нельзя, Соня».

«Давайте все домой... ужинать!»

«Скоро приеду».

«Люблю».

«Подожди нас».

«Уже завтра!»

Обрывки слов все короче и лепятся в бесформенный ком прошлой жизни. Этот ком растворяется в дрожи запоздалого январского рассвета, все боли отступают, становится хорошо и лениво...

Тридцать лет назад

– Не спать, Решетникова! Не спать! – рассердился Вадим Петрович, заметив, как Каринка мастерски нанесла мне укол.

Я раздраженно подняла щиток:

– Да я...

– Все, Сонь, все, – он отмахнулся, – флаконд никуда не годится, опоздала. И что за ноги? Что за ноги? Для того чтобы правильно работать руками...

– ...нужно правильно поставить ноги, – повторила я заученную фразу. – Вадим Петрович, я же... – Мне хотелось оправдаться.

Но тренер уже отвернулся, улыбаясь и кивая Карине:

– Молодец, Галкина, растешь на глазах!

– Да блин! – Я сжала зубы, досчитала до трех и довольно громко сказала: – Вадим Петрович, можно еще один бой? Пожалуйста.

Он повернулся, поправил очки на переносице:

– Иди, Соня, отдыхать. Ни на одних соревнованиях тебе не дадут второго шанса только потому, что ты захотела или попросила. Иди-иди. И на вечернюю тренировку не ходи – подумай о смысле жизни, поняла?

Ничего не было хуже, чем отстранение от тренировок. Ничего.

Я гневно посмотрела на темноволосую невысокую Карину. На самом деле я злилась не на нее, а на себя – руки-крюки, ноги – будто не свои. Что со мной не так? Понятия не имею.

Тренер на меня не сердился, он просто обо мне забыл, переключив внимание на кого-то более успешного. И от этого я злилась еще сильнее.

– Да, Вадим Петрович, – опустила я голову, – я соберусь. Но он уже смотрел на Карину:

– Следующий с Кучмаковой. Оля, готовься... – потом снова глянул на меня несколько удивленно – дескать, что я тут еще делаю, раз мне велено было отправляться восвояси.

И я, съжившись под его взглядом, молча удалилась.

Настроение было препоганое. Быстро переодевшись, я вышла из зала и пошла к морю – благо, было недалеко. Хотелось забрести куда-нибудь в тень и просто посидеть немного в тишине, отдышаться.

На пляже было полно народу: объемные тетушки переваливались розовыми телами, ребятня плескалась у самого берега, мужчины заплывали за буйки, молодые мамы жевали чебуреки... Я выглядела нелепо среди этой полуголой разномастной толпы – в спортивных штанах с чехлом на плече. Но на меня особо никто не обращал внимания.

Я шла дальше – к небольшому уступу в скале, куда почти никто не добирался, где было неприветливо и каменисто.

Нужно было перескочить несколько раз с камня на камень, чтобы добраться до утеса. Для меня это было легко.

Быстро перепрыгнув все камни, я оказалась возле скалы и, предвкушая возможность побыть наедине, схватилась руками за небольшой выступ и подтянулась, чтобы залезть на большой камень и спрятаться в расщелине утеса.

– Ч-черт! – Я замерла. Оказалось, что я тут не одна – сидя прямо на камнях, миловалась парочка.

Мне стало досадно – что ж так не везет-то?! Даже тут!

Они целовались и вздыхали, руки парня скользили по груди девушки, ее голова запрокинута... Господи... я закатила глаза. И уже хотела отвернуться и тихо уйти, но вдруг заметила у парня родинку на шее справа возле ключицы и узнала его. Федя!

Внезапно острая заноза вонзилась в сердце. Я поморгала, думая, что могла ошибиться, и обернулась снова... Заноза кольнула опять.

Даже посмотрев внимательнее, я не смогла понять, что это за девица с ним. Он почти полностью закрывал ее собой: видна была только ее макушка, край скулы и часть плеча.

«Ну и пошел ты к черту! – ругнулась я про себя, услышав, как девушка томно вздыхает. – Тьфу!»

Оттолкнувшись от нагретого камня, я пошла обратно – они меня так и не заметили. Разумеется.

Родинка эта его... Я отмахнулась – все, забыть и не вспоминать!

Если честно, я сама была в недоумении. Конечно, я видела этого парня и раньше – московский саблист. В прошлом году его в Сочи не было, а в позапрошлом это был невзрачный мальчишка. И сейчас я не понимала, как так вышло, что он, такой угловатый и нескладный, вдруг превратился в симпатичного высокого парня. А картину завершали широкие плечи и весьма бойкая сабля. И, конечно, сводящая с ума родинка возле ключицы.

Теперь я постоянно себя одергивала, чтобы не заглядываться на него. И сейчас мне было грустно от того, что он там с кем-то целуется. Не со мной.

Я вернулась на базу, в корпус, и остаток дня хотела тупо проваляться на кровати, никого не видеть и не слышать.

Но, конечно, в комнату сразу же пришли девчонки после тренировки. Жили мы вчетвером – я, Каринка Галкина, моя вечная подружка-соперница, Оля Тарасова и Вика Плотникова.

Странно, несмотря на наше постоянное соперничество, никто так не умел поддерживать, как эти девчонки. Поэтому, придя после тренировки, они тут же затарахтели, пытаясь меня растормошить. И уже за ужином стало веселее, образ целующегося Федора отошел за задний план, мы обсуждали меня, Каринку и шансы попасть на Олимпиаду в Атланту.

И тут мимо нашего столика прошли московские сабельники, среди которых был и Федя. Он на мгновение задержался возле нас, чуть наклонился и, взглянув на всех попе-

ременно, весело подмигнул:

– Привет рапирам!

Каринка хихикнула:

– Привет саблям!

– Блям-блям-блям, – вдогонку рассмеялась Вика.

Я не удержалась и тоже захохотала – глупая, почти детская присказка, но было смешно.

Федор осклабился и пошел дальше. Ребята, которые его сопровождали, тоже хихикнули:

– Ну че, получил?

«Так тебе и надо, козлина!» – Я мысленно повеселела. Заноза не то чтобы совсем исчезла, но стала не такой жгучей и острой.

Вечер улегся на морскую темную гладь серым боком, желтоватые тучи поглядывали вниз, будто размышляя, проливаться дождем или обождать, поэтому воздух был пропитан теплой влагой. В зале было душно, несмотря на настежь распахнутые окна.

Каким-то удивительным образом после внушительной зарядки и двух тренировок в день у нас еще хватало сил на танцы. Они проходили редко, всего раз в неделю. Ходили не все – не поощрялось.

Стюардесса по имени Жанна

Обожаема ты и желанна...—

раздался высокий голос из динамиков, и мы с Вичкой, взявшись за руки, запрыгали невпопад, кривляясь и подпевая:

– Ангел мой неземной, ты повсюду со мной, стюардесса по имени Жанна!!

– Фух... – после песни мы, разгоряченные, плюхнулись на стулья.

Музыка сменилась, и заиграла медленная композиция. Я многозначительно посмотрела на Вику:

– Ну?

– Что? – Она сделала вид, что не понимает, о чем речь.

Постепенно на танцполе начали формироваться пары: кто-то плавно, а кто-то деревянно задвигался в такт.

– Ла-а-адно тебе, – протянула я. – Колька, Колька... вон он стоит, с пацанами болтает.

– Ну-у-у... – смутилась Вика и опустила глаза, – это же не белый танец, я так не могу.

– Это чего это? – подзуживала ее я.

И тут же местный диджей объявил:

– На этот танец приглашают не только кавалеры, но и дамы!

– Вик, – посмотрела я многозначительно, – вот видишь, давай!

– Эх... – Она явно робела. – Ну...

– Давай-давай, ничего такого, потанцуете разок, и все, – мне хотелось, чтобы она решилась.

– Ч-черт, не могу...

Рядом с нами показались чьи-то темные штаны, ремень и футболка – я подняла голову.

– Привет, – с улыбкой сказал он и перевел взгляд на меня. – Соня, можно тебя пригласить?

– Э-э-э... – Я растерянно посмотрела на подругу.

В висках застучало, на мгновение показалось, что духота стала нестерпимо густой и плотной.

– Иди-иди. – Вика тут же ткнула меня в бок.

Я порывисто вздохнула, втягивая носом разморенный вечерний воздух, и встала.

Это был Сергей Рамарь, наш ленинградский шпажист, которого я знала сто лет. Щеки его горели. Такой же русоволосый, как и я, коротко стриженный и кареглазый, выше меня больше чем на голову.

Надо сказать, танцор из меня был так себе, а вот он хорошо двигался в такт музыке – плавно и легко.

– Гм... ты танцами занимался? – спросила я, чуть отстранившись и взглянув ему в лицо.

Его ресницы при свете цветных лампочек становились то золотистыми, то голубоватыми, то розовыми.

– Угу, – он кивнул, – параллельно с фехтованием долго ходил на бальные танцы, пока не пришлось выбирать одно из двух.

Я случайно наступила ему на ногу.

– Извини, я танцами не занималась.

– Ничего страшного, – он улыбнулся, слегка повернувшись, и его ресницы снова стали золотыми в желтом свете прожектора. – Если захочешь – я могу научить.

– Гм... – Я не знала, что ответить.

– Не прямо сейчас, – тут же уточнил Сергей.

Его руки держали меня за талию легко и уверенно, хотя чувствовалось, что он волнуется. Румянец не сходил с его щек, а крохотные капельки пота блестели на висках и возле бровей.

Зазвучали последние аккорды, и мы плавно остановились посередине зала.

– Спасибо за танец. – Он сделал шаг в сторону и церемонно поклонился.

Я хихикнула, поведя плечом:

– Не за что.

– Можно я тебя еще приглашу, когда медленная будет? – Он посмотрел на меня внимательно, выжидая.

– Гм... можно. – Мне вдруг стало стеснительно и неловко, показалось, что на нас смотрит весь зал.

– Хорошо. – Он еще раз едва заметно поклонился и пошел к выходу.

Закончив танцевать, я под села к Вичке, которая так и не пригласила Колю Камышина:

– Ну?

– Что «ну?» – обернулась я к ней, не зная, что ответить. – Ну потанцевали, и все, ты ж видела. Поболтали. Оказывает-

ся, он танцами занимался, представляешь?

– А. – Подруга смотрела в угол, где ее драгоценный Коля громко обсуждал что-то с приятелями, в числе которых был Федя. – Я просто дура, наверное.

И обе расхохотались.

Мы сидели на спортивных скамейках, а напротив в углу обосновалась целая компания ребят, в основном москвичей. Они стояли, держась как за перила, за хореографические станки, расположенные по трем сторонам зала, где занимались гимнастки, фигуристы и другие. Иногда там устраивались почти нелегальные танцы.

Я посмотрела в угол, на гогочущих парней, и у меня возникла идея:

– Слушай, давай на следующий медляк я приглашу Федьку Перепелкина, а ты своего Кольку, идет?

Станным образом танец с Сергеем придал мне уверенности, а заодно и какой-то бесшабашной злости на Федю.

– Seriously? – Она аж открыла рот от удивления.

– Ага, – кивнула я. – Давай?

– Ну, раз так, давай!

Мы еще попрыгали пару быстрых композиций, и заиграли «Скорпионс», мне стало жарко... Уже?

Краем глаза я увидела, что сбоку Сергей отлепился от стенки и теперь направляется в мою сторону, и тут же вспомнила, что сказала ему недавно.

– Вик, – ткнула я подругу под локоть, – пошли, а то меня

сейчас Рамарь пригласит.

– Фух, – выдохнула она, – пошли, – и мы направились в сторону ребят.

Серегу в растерянности остановился на полпути. Я изо всех сил старалась смотреть не в его сторону, а вперед, на Федора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.